

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1. «Книга для сожжения»? · 7

Работа по конструированию и ее эффекты · 15; Эмпирические индивиды и индивиды эпистемические · 44

Глава 2. Спор факультетов · 73

Отстраненность и приверженность · 86; Замечания относительно нижеследующих таблиц · 90; Научная компетенция и компетенция социальная · 127

Глава 3. Виды капитала и формы власти · 141

Структура пространства разных форм власти · 152; Рядовые профессора и воспроизводство корпуса · 162; Время и власть · 175; Освященные еретики · 207; Сговорившиеся соперники · 221; Aggiornamento · 232; Позиции и точки зрения · 247

Глава 4. Защита корпуса и нарушение равновесия · 252

Функциональные замещения · 266; Кризис наследования · 278; Целесообразность без цели · 285; Временной порядок · 293; Нарушение равновесий · 301

Глава 5. Критический момент · 305

Специфическое противоречие · 312; Синхронизация · 333; Кризис как разоблачитель · 344; Мнения, преданные огласке · 358; Иллюзия спонтанности · 364

Приложения

Приложение 1. Использованные источники · 375

Приложение 2 · 399

Приложение 3 · 407

Приложение 4 · 432

Послесловие. Двадцать лет спустя · 435

ГЛАВА 1

«Книга для сожжения»?

Историки не хотят, чтобы кто-то создал историю их самих. Желая исчерпать бесконечность исторических деталей, сами они не намерены становиться частью этой бесконечности. Они не хотят быть частью исторического порядка — как если бы врачи не намеревались болеть и умирать.

Пеги Ш. *Деньги*

ИЗБРАВ объектом исследования социальный мир, частью которого являемся, мы будем вынуждены столкнуться с рядом фундаментальных эпистемологических проблем в форме, которую можно назвать *драматизированной*. Эти проблемы связаны с различием между практическим познанием и познанием научным и в особенности с трудностью *разрыва* с локальным опытом и сложностью воссоздания знания, полученного ценой этого разрыва. Известно, каким препятствием для научного познания являются как избыток близости, так и чрезмерная дистанция и как сложно поддерживать то отношение утраченной и восстановленной близости, которое позволяет ценой долгой работы над объектом — но также и над субъектом — исследования объединить все то, что можно знать, являясь лишь частью объекта, и то, что невозможно или же не желают знать как раз потому, что ею являются. В меньшей степени осознают проблемы, возникающие при попытке передать научное знание об объекте прежде всего посредством *письма*.

Такого рода проблемы становятся особенно заметными, когда за пояснениями обращаются к *примерам*: эта риторическая стратегия, обычно используемая для того, чтобы «внести ясность», склоняет читателя полагаться на собственный опыт и, следовательно, приносить в чтение неконтролируемую информацию. Почти неизбежно она низводит до уровня обыденного знания научные построения, выработанные в борьбе с ним¹. Достаточно просто ввести имена собственные (а как можно полностью избежать этого, когда речь идет о мире, где одной из ставок является «сделать себе имя»?), чтобы усилить склонность читателя сводить к конкретному индивиду, воспринимаемому синкретично, индивиду сконструированного, существующего в качестве такового лишь в теоретически выстроенном пространстве отношений тождества и различия между совокупностью его явным образом определенных свойств и специфическими совокупностями свойств (выявленных согласно тем же принципам), характеризующих других индивидов.

Но каким бы сильным ни было наше стремление избежать намеков и двусмысленностей, постоянно заправляющих, пускай и в скрытой форме, обыденной логикой сплетни, оскорбления, клеветы, насмешки и злословия (которые, хотя и склонны сегодня рядиться в одежды анализа, не брезгают ни колкостью, ни остротой ради явного удоволь-

1. Я полностью осознал эту проблему, когда несколько моих первых читателей попросили меня «привести примеры», иллюстрирующие тот или иной анализ, из которого я сознательно исключил любую «анекдотическую» информацию — даже наиболее известную в «хорошо осведомленных кругах» — ту самую информацию, которую торопятся раскрыть журналистика или ориентированная на сенсацию эссеистика.

ствия блеснуть или пустить кому-то кровь), как бы методически ни воздерживались мы (как в этой работе) от упоминания о вещах, несмотря ни на что известных всем (о явных связях университетских преподавателей с журналистикой, не говоря уже о скрытых связях, семейных и иных, обнаружить которые — долг историков), мы все же не сможем избежать подозрения в том, что совершаем акт *разоблачения*, ответственность за которое в действительности лежит на самом читателе. Ведь именно он, читая между строк, заполняя более или менее сознательно пробелы в анализе или просто, как говорится, «принимая все на свой счет», изменяет смысл и значение намеренно цензурированного научного отчета. Социолог не имеет возможности написать обо всем, что знает (включая вещи, которые те из читателей, кто наиболее склонен разоблачать его разоблачения, зачастую знают лучше, правда, на совершенно другом уровне), и поэтому рискует создать видимость того, что пользуется наиболее испытанными полемическими стратегиями: инсинуацией, намеком, иносказанием и недомолвкой — приемами, особенно дорогими университетской риторике. И все же эта история без имен собственных, которой вынужден ограничиться социолог, соответствует исторической истине не более чем анекдотический рассказ о фактах и деяниях отдельных персонажей, знаменитых или неизвестных, к которому так охотно прибегает как старая, так и новая история. Эффекты структурной необходимости поля осуществляются лишь через личные связи, основанные на социально обусловленной случайности встреч и общих знакомств, а также на сходстве габитусов, переживаемом как симпатия и антипатия. И как не сожалеть о *социальной невозможности* объяснить и дать почувствовать то, что я считаю действительной логикой

исторического действия и подлинной философией истории, полностью используя присущие отношению принадлежности преимущества, которые позволили бы объединить собранную с помощью объективных методов информацию и личную интуицию, являющуюся результатом близкого знакомства с объектом исследования?

Таким образом, социологическое знание всегда подвержено опасности оказаться сведенным «заинтересованным» прочтением к поверхностному восприятию. Подобное прочтение обращает внимание на незначительные подробности и отдельные детали и, не будучи остановлено абстрактным формализмом, сводит к обыденному смыслу слова, общие для научного и обыденного языка. Почти неизбежно предвзятое, оно ведет к ложному пониманию, которое основывается на незнании всего того, что определяет научное знание как таковое, т. е. самой системы объяснения. Таким образом, оно разрушает созданный научным конструированием объект, смешивая то, что было разделено, и прежде всего сконструированного индивидуума (человека или институцию), существующего лишь в разработанной ученым сети отношений, и индивидуума эмпирического, непосредственно доступного обыденному восприятию. Такое прочтение стирает все, что отделяет научную объективацию как от обыденного знания, так и от знания полунаучного, в основании которого, как показывает большинство исследований, посвященных интеллектуалам (которые скорее вводят в заблуждение, чем что-то проясняют), почти всегда лежит то, что можно назвать точкой зрения Терсита, полного зависти рядового из трагедии Шекспира «Троил и Крессида», поносящего сильных мира сего, или, ближе к историческим реалиям, точкой зрения Марата, о котором забывают, что он был так-

же, или прежде всего, плохим физиком². Частичное понимание, которому способствует вдохновленная ресентиментом жажда *редуцировать*, приводит к наивно финалистскому взгляду на историю, который, не будучи способным достичь скрытых оснований практик, довольствуется анекдотическим разоблачением воображаемых виновников и в конечном счете переоценивает значимость предполагаемых участников разоблачаемых «заговоров», рассматривая их как циничных инициаторов поступков, заслуживающих презрения (в первую очередь из-за их высокого положения)³.

Кроме того, те, кто располагается на границе между научным и обыденным знанием (эссеисты, журналисты, преподаватели-журналисты и журналисты-преподаватели), жизненно заинтересованы в размывании этой границы и отрицании или упразднении того, что отделяет научный анализ от частичных объективаций, путем приписывания отдельным индивидам или лобби (как это происходило в случае ведущих той или иной литературной передачи на телевидении или связанных с *Le Nouvel*

-
2. См.: Gillispie C. C. Science and Policy in France at the End of the Old Regime. Princeton: Princeton University Press, 1980, p. 290–330.
 3. Можно процитировать, среди прочих, самого недавнего представителя этой тенденции Эрве Куто-Бегари, чей анализ школы Анналов со всей наивностью обнаруживает вытесненное насилие интеллектуального исключения, удвоенного провинциализмом: «Таким образом, новые историки представляют *последовательный проект*, идеологически *адаптированный* к публике, для которой он был предназначен... Именно это расширение объясняет их успех. Далее, им удалось *привлечь внимание* издателей и СМИ с целью получить то, что Режи Дебре называет «социальной видимостью» (Couteau-Begarie H. La phénomène nouvelle histoire. Paris: Economica, 1983, p. 247–248).

*Observateur*⁴ членов Высшей школы социальных наук) эффектов, произведенных в действительности всей структурой поля. Им достаточно поддаться чтению из чистого любопытства, заставляющего функционировать примеры и отдельные случаи согласно логике светской сплетни или литературного памфлета, чтобы свести присущий науке систематический и реляционный способ объяснения к самому банальному приему полемической редукции — *объяснению ad hoc при помощи аргументов ad hominem*.

В приложении читатель сможет найти анализ процесса (в обоих смыслах — как хода развития и как судебной тяжбы) обретения медийной известности. Главный результат этого анализа — разоблачение наивности всех персональных разоблачений. Создавая видимость объективации игры, такого рода разоблачения лишь полнее в ней участвуют — в той мере, в какой стремятся поставить этот мнимый анализ на службу интересам, связанным с позицией в этой игре. Источником техники литературного хит-парада является не отдельный индивид (Бернар Пиво⁵, как в рассматриваемом случае), каким бы влиятельным и ловким он ни был, не особая институция (телепередача или журнал), не даже совокупность СМИ, способных осуществлять власть над полем культурного производства, но множество объективных отношений, составляющих это поле, и в особенности тех отношений, которые устанавливаются между полем производства

4. Французский еженедельный культурно-политический журнал. — *Прим. пер.*

5. Бернар Пиво (р. 1936) — французский писатель, журналист и литературный критик. С 1974 по 1990 год вел на канале *France 2* еженедельное телевизионное шоу «Апострофы», посвященное литературе и дискуссиям о культуре. — *Прим. пер.*

для производителей и полем широкого производства. Выявляемая научным анализом логика далеко превосходит намерения и замыслы индивидуальных или коллективных агентов, даже наиболее проницательных и влиятельных — тех, на кого указывает поиск «виновных». Однако было бы ошибкой выводить из этого анализа аргументы в пользу отсутствия ответственности, растворенной в охватывающей каждого агента сети объективных отношений. Тем, кто хотел бы использовать формулировку социальных законов, превращенных в судьбу, в качестве алиби для фаталистской или циничной покорности, необходимо напомнить, что научное объяснение, предоставляющее возможность для понимания и даже оправдания, дает также возможность производить изменения. Возросшее знание механизмов, управляющих интеллектуальным миром, не должно (я намеренно использую этот двусмысленный язык), как опасался Жак Бувресс, приводить к «освобождению индивида от тягостного бремени моральной ответственности»⁶. Напротив, оно должно научить его чувствовать свою ответственность там, где он действительно независим, и упорно не поддаваться малодушию и бесконечно малым слабостям, позволяющим социальной необходимости действовать со всей силой, научить его бороться с собственным и чужим оппортунистским безразличием и разочарованным конформизмом, уступающим социальному миру все, что он требует, все эти мелочи безропотного потворства и покорного согласия.

Известно, что группы едва ли любят тех, кто «продает секреты», и, быть может, особенно тогда, когда разрушитель или предатель имеет возможность апелли-

6. *Bouvresse J.* Le philosophe chez les autophages. Paris: Ed. de Minuit, 1984, p. 93.

ровать к их самым высоким ценностям. Те же самые люди, которые не упустили бы возможность поприветствовать как «смелую» или «проницательную» работу по объективации, проводись она на материале чужих или враждебных групп, будут склонны ставить под вопрос основания специфической проницательности, право на которую отстаивает исследователь собственной группы. Ученик колдуна, рискнувший заинтересоваться местным колдовством и его фетишами вместо того, чтобы в далеких тропиках искать утешительные чары экзотической магии, должен быть готов к тому, что высвобожденное им насилие обернется против него. Занимая специфическую позицию, Карл Краус смог сформулировать закон, согласно которому объективация имеет тем больше шансов быть одобренной и чествуемой в качестве «смелой» в «родственных кругах», чем более ее объекты удалены в социальном пространстве. В редакционной статье первого номера своего журнала *Die Fackel* он писал, что тот, кто отказывается от легких удовольствий и выгод удаленной критики в пользу критики непосредственного окружения (когда все убеждает считать его сакральным), должен быть готов к мучительной «субъективной травле». Поэтому нам показалась соблазнительной идея назвать эту главу так, как мандарин-ренегат Ли Цзы назвал те саморазрушительные книги, в которых он раскрыл правила игры мандаринов, — «Книга для сожжения». Не из желания бросить вызов тем, кто, хотя и готов восстать против инквизиции, отправит на костер любую работу, которую сочтет оскверняющей собственные верования⁷, но лишь для того, чтобы указать на противоречие, вписанное в разглашение се-

7. На манер своего рода символического аутодафе (без сомнения, не согласованного заранее) все венские газеты хра-

кретов племени и столь болезненное лишь потому, что в обнародовании (даже частичном) самого личного есть что-то от публичной исповеди⁸.

Социология слишком мало способствует созданию иллюзий, чтобы даже на мгновение социолог мог вообразить себя в роли героя-освободителя. Тем не менее, мобилизуя все доступные научные достижения в попытке объективировать социальный мир и отнюдь не осуществляя редуцирующего насилия или тоталитарной власти (на чем иногда настаивают, особенно когда объектом исследования становятся те, кто желает объективировать, не подвергаясь объективации), социолог предоставляет возможность некоторой свободы. По крайней мере, он может надеяться на то, что его исследование академических страстей будет для других тем же, чем оно было для него самого — инструментом самоанализа.

Работа по конструированию и ее эффекты

Изучение мира, с которым мы связаны всевозможными специфическими инвестициями, неразрывно интеллектуальными и «мирскими», — это вызов, автоматически рождающий мысль о бегстве. Збота о том, чтобы избежать подозрения в предвзято-

нили абсолютное молчание вокруг *Die Fackel* на протяжении всей жизни Карла Крауса.

8. Известно, что «Толкование сновидений», которое Фрейд считал своей наиболее важной работой, помимо явной логики научного трактата заключает в себе глубинный дискурс, в котором через ряд личных снов Фрейд дает анализ своих запутанных отношений с отцом, политикой и университетом. См., например: *Schorske Carl E. Fin de Siècle Vienna, Politics and Culture. New York: Alfred A. Knopf, 1980, p. 181–207.*

сти, приводит к попыткам отрицать себя в качестве «заинтересованного» и «пристрастного» субъекта, заранее подпадающего под подозрение в использовании научных инструментов в частных интересах, и даже к попытке устранить себя в качестве субъекта познания, прибегнув к наиболее безличным и механическим процедурам, которые согласно этой логике — логике «нормальной науки» — считаются самыми безупречными. (Здесь обнаруживается установка на *смирение*, которая так часто склоняет к выбору в пользу гиперэмпиризма, а также собственно политическое — в особом смысле — честолюбие, скрытое за этой сциентистской нейтральностью и располагающее разрешать запутанные споры с помощью научной работы и от имени науки, выступая в качестве арбитра или судьи и исключая себя в качестве вовлеченного в поле субъекта лишь для того, чтобы вновь появиться в этом поле, но уже «над схваткой», создавая безупречную видимость объективного, трансцендентального субъекта.)

Однако невозможно избежать работы по конструированию объекта и связанной с ней ответственности. Не существует объекта, который не предполагал бы определенной точки зрения, даже если речь идет об объекте, созданном с намерением упразднить любую точку зрения, т. е. пристрастность, и выйти за пределы частной перспективы, связанной с позицией в изучаемом пространстве. Тем не менее сами операции, реализуемые в процессе исследования, которые принуждают формулировать и *формализовывать* неявные критерии обыденного опыта, делают *возможным* логический контроль собственных предпосылок. Само собой разумеется, что множество последовательных выборов (совершенных к тому же в течение ряда лет) не осуществляется в обстановке совершенной эпистемологической про-

зрачности и полной теоретической ясности⁹. (Таков случай проведенного в 1967 году исследования структуры власти на гуманитарных факультетах, в результате которого, например, был сформирован список изучаемых индивидов, основанный на определении значимых в этом универсуме свойств, по сути — популяции наиболее «влиятельных» или «важных» преподавателей университетов.) Лишь тот, кто никогда не проводил эмпирических исследований, может верить или провозглашать обратное. Более того, нельзя быть уверенным, что такого рода непрозрачность, которую имеют для нас последовательные операции (включая то, что мы называем «интуицией», т. е. более или менее контролируруемую форму донаучного знания непосредственно схваченного объекта, а также научного знания аналогичных объектов), не является истинным условием плодотворности эмпирического исследования. Делая что-то и не до конца это осознавая, даешь себе шанс открыть в том, что сделал, нечто ранее неизвестное.

Научное конструирование объекта исследования осуществляется путем медленного и трудного накопления различных показателей, значение которых подсказано практическим знанием различных властных позиций (например, Консультативного комитета¹⁰ или жюри конкурса аг-

-
9. Далее, в главе 3, можно найти детальное описание принципов конструирования этой совокупности. Характеристики репрезентативной выборки, послужившей основой для анализа совокупности факультетов (за исключением фармакологического), описаны в главе 2. Источники, использованные в обоих исследованиях, описаны в Приложении 1.
10. Консультативный комитет университетов (Comité Consultatif des Universités, CCU) является инстанцией, консультирующей правительство по поводу университетской по-

реже¹¹⁾ и людей, обладающих репутацией «влиятельных». В расчет берутся даже те свойства, которые обычно указываются или разоблачаются как признаки власти. Воспринимаемое в общих чертах «лицо» власти и «сильных мира сего», таким образом, постепенно уступает место аналитической серии различительных признаков обладателей власти и ее различных форм, чье значение, а также вес проясняются в ходе исследования благодаря связывающим их статистическим отношениям. Разрыв с первичной интуицией — результат долгого диалектического процесса, а не своего рода исходный и конечный акт одновременно, как нас убеждают некоторые «инициативные» представления об «эпистемологическом разрыве». В рамках этого процесса преобразованная в эмпирическую операцию интуиция анализирует и проверяет сама себя, порождая все более обоснованные гипотезы, которые, в свою очередь, будут преодолены благодаря вызванным ими сложностям, ошибкам и ожиданиям¹²⁾. Логика исследования является передаточной шестерней для больших или малых проблем, заставляющих задуматься над тем, что мы делаем, и позволяю-

литики. Кроме того, он контролирует рекрутирование и карьерный рост преподавателей. — *Прим. пер.*

11. Конкурс на замещение должности преподавателя лица или, реже, высшего учебного заведения. Будучи учрежден в 1766 году, он принимает свой современный вид в 1885 году и включает 4–7-часовое письменное сочинение и устный экзамен в форме лекции. — *Прим. пер.*
12. Я никогда не перестану сожалеть о том, что не сохранил *журнал исследования*, который лучше, чем любые рассуждения, мог бы показать роль эмпирической работы в постепенном осуществлении разрыва с первичным опытом. Тем не менее знакомство со списком использованных источников (см. Приложение 1) могло бы дать представление о контролируемом восстановлении прошлых событий, составляющем основное отличие научного познания от обыденного опыта.

щих все лучше понимать то, что мы ищем, обеспечивая первые шаги на пути к ответу, которые приводят к появлению новых, более фундаментальных и эксплицитных вопросов.

Однако было бы крайне опасно довольствоваться этим «ученым незнанием». И я бы даже сказал, что основным достоинством научной работы по объективации является то, что она позволяет (конечно, при условии, что мы способны проанализировать ее результаты) объективировать объективацию. Действительно, для исследователя, стремящегося знать, что он делает, код из инструмента анализа превращается в его объект: рефлексивный взгляд превращает объективированный результат работы по кодификации в непосредственно читаемый след, оставленный действиями по построению объекта, в сетку, использовавшуюся при конструировании данных, в систему более или менее согласованных категорий восприятия, которые произвели объект научного анализа, в данном случае — мир «влиятельных преподавателей университета» и их свойств. Совокупность принятых во внимание свойств объединяет, с одной стороны, множество критериев, которые (помимо имени *собственного*, наиболее ценного из всех свойств, когда речь заходит об известном имени) действительно пригодны для использования и реально используются в повседневной практике для *идентификации* или даже классификации университетских преподавателей (об этом свидетельствует тот факт, что по большей части мы рассматриваем уже опубликованную информацию и, главным образом, формулы самопредставления), а с другой — ряд характеристик, подсказанных в качестве релевантных (и в силу этого конститутивных) практическим опытом самого университетского поля.

Кроме того, рефлексивное обращение к самой операции кодирования обнаруживает все то, что отделяет практические и неявные схемы обыденного восприятия от сконструированного кода, который зачастую лишь повторяет социально гарантированные кодификации вроде типа диплома или социально-профессиональных категорий INSEE¹³ и заодно все, с чем сопряжено, когда речь идет об адекватном понимании научной работы и ее объекта, осознании этого различия: по сути, любой код, как в смысле теории информации, так и в юридическом смысле (кодекс), предполагает согласие и в отношении конечного множества считающихся релевантными свойств, и по поводу множества формальных отношений между ними (юридические формулы, согласно Веберу, «берут в расчет исключительно общие и однозначные характеристики рассматриваемого случая»). Если это верно, то не различать научное кодирование, повторяющее уже существующую в социальной реальности кодификацию, и сборку из разных частей нового критерия, тем самым считая решенным вопрос о его релевантности, который сам может оказаться ставкой в конфликте, и в общем плане уходить от вопроса о социальных условиях и эффектах кодификации — значит обречь себя на серьезные последствия: одной из наиболее важных характеристик любого свойства, которая упраздняет смешение социально признанных критериев и критериев, созданных исследователем, является степень

13. Institut national de la statistique et des études économiques (INSEE) — Национальный институт статистики и экономических исследований, аналог Госкомстата. Функцией института является производство и анализ официальной статистики, предназначенной для нужд государственного управления. — *Прим. пер.*

его кодифицированности — так же как одной из наиболее значимых характеристик поля является степень объективации существующих в нем социальных отношений в публичных сводах правил (кодексах).

Действительно, не вызывает сомнений, что различные свойства, выбранные для конструирования идентичности университетских преподавателей, очень неодинаково используются в обыденном опыте восприятия и оценки предконструированной индивидуальности этих же агентов, очень неравномерно объективированы и, соответственно, в разной степени представлены в письменных источниках. Граница между институционализированными и поэтому зафиксированными в официальных документах свойствами и свойствами, объективированными в незначительной степени или же вовсе не объективированными, является относительно подвижной и меняется в зависимости от времени и обстоятельств (такой научный критерий, как, например, социопрофессиональная категория, может стать критерием практическим при определенной политической конъюнктуре). Таким образом, мы движемся в сторону уменьшения степеней объективации и официальности, от формальных званий, используемых при представлении себя (например, в официальных письмах, удостоверениях личности, визитных карточках и т. д.), вроде университетской должности («профессор Сорбонны»), или позиции в структуре распределения власти («декан»), или авторитета («член Института»), университетских званий («бывший ученик Высшей нормальной школы»), этих *официальных* характеристик, которые узнаются и признаются всеми и часто идут в паре с формами обращения («господин профессор», «господин декан» и т. д.), — мы движемся к свойствам, хотя и институционализированным, но редко исполь-

зующимся в официальных классификациях повседневного существования, вроде руководства лабораторией и членства в Высшем совете университета или в приемной комиссии Высших школ. Наконец, мы достигаем тех часто неуловимых для посторонних знаков, которые определяют так называемый престиж, т. е. позицию в строго интеллектуальных или научных иерархиях. В этом случае исследователь постоянно сталкивается с альтернативой либо ввести более или менее искусственные и даже произвольные (или, по меньшей мере, всегда рискующие быть избалованными в качестве таковых) классификации, либо заключить в скобки иерархии, которые, даже если и не существуют в объективированном (публичном, официальном) состоянии, тем не менее постоянно оказываются под вопросом и являются ставками в самой объективности. На самом деле, как будет видно далее, это верно для всех критериев, даже наиболее «бесспорных», — таких, например, как чисто «демографические» показатели, позволяющие тем, кто использует их постоянно, считать свою «науку» естественной¹⁴. Од-

14. Необходимо подвергнуть обстоятельной критике эффект натурализации, которому особенно подвержена демография и который придает некоторым параметрам (возраст, пол или даже семейное положение) и работам, бесцеремонно ими манипулируя, видимость «абсолютной» объективности. В более общем плане (и тем не менее не надеясь отбить охоту навязчиво воспроизводить работы, стремящиеся свести историю к биологической, географической или любой другой природе) было бы неплохо описать форму, которую принимает этот эффект деисторизации в каждой из социальных наук, — начиная с этнологии, когда она воздает должное вербальным аналогиям с естественными науками, и заканчивая самой историей, когда она ищет в «неподвижной истории» почвы или климата ту субстанцию, по отношению к которой исторические движения были бы лишь случайностями.

нако в случае выбора показателей «научного» или «интеллектуального престижа» — наименее объективированного из релевантных свойств — мы обнаруживаем, что вопрос о критериях, т. е. принципах иерархизации и легитимной принадлежности, и, точнее, вопрос о различных видах власти и принципах их определения и иерархизации, который исследователь неизбежно задает себе по поводу объекта, оказывается поставленным *внутри самого объекта исследования.*

Таким образом, работа по конструированию объекта определяет конечное множество *релевантных свойств*, устанавливаемых гипотетически в качестве *действующих переменных*, чьи вариации связаны с вариациями наблюдаемого феномена. Тем самым она определяет популяцию *сконструированных индивидов*, характеризующихся разной степенью обладания этими свойствами. Эти логические операции производят совокупность эффектов, которые должны быть ясно выражены, дабы избежать их неосознанной регистрации в режиме констатации факта (что составляет основную ошибку объективистского позитивизма). В первую очередь, объективация необъективированного (научного престижа, например) стремится произвести, как показано выше, эффект официализации, квазиюридической по своему типу. Так, установление степеней международного признания, основанное на количестве цитат, или разработка индекса вовлеченности в журналистику являются операциями, полностью аналогичными тем, что осуществляются внутри поля производителями хит-парадов¹⁵. Этот эффект не может остаться незамеченным в по-

15. Нельзя исключать того, что сам научный анализ произведет эффект теории, который сможет изменить привычное видение поля.

граничном случае свойств, официально или молчаливо исключенных из любых официальных и институционализированных (или даже неофициальных и неформальных) таксономий, таких как религиозная принадлежность или сексуальные предпочтения (гетеросексуальность/гомосексуальность), несмотря на то что эти свойства могут играть определенную роль в практических суждениях и быть связанными с эмпирическими вариациями наблюдаемой реальности (именно такого рода информацию имеют в виду, когда разоблачают «полицейский» характер социологического исследования).

Чтобы увидеть эффекты научной кодификации, и в частности гомогенизацию статуса, затрагивающую свойства, крайне неравномерно объективированные в реальности, достаточно рассмотреть способ и степень существования в качестве *group* тех популяций, которые выделяются на основании различных критериев: от возрастных или (вопреки появлению феминистского движения и сознания) гендерных групп до групп нормальненьцев¹⁶ или агреже¹⁷, которые характеризуются двумя различными спосо-

16. Студент или выпускник Высшей нормальной школы (*École normale supérieure, ENS*), которая готовит преподавателей для среднего и высшего образования. Во Франции Высшие школы (*Grandes écoles*) — и ENS одна из них — приравнены к университетам по статусу, но являются более престижными. Так, например, если в университет можно поступить без экзамена, то в Высшие школы поступают по результатам экзамена обычно после двух лет обучения в специальных подготовительных классах. — *Прим. пер.*

17. Агреже — это престижная ученая степень, которая присуждается выпускникам университета после прохождения специального конкурса и дает своим обладателям право преподавать в лицах, колледжах и на некоторых факультетах университетов. Звание агреже, хотя и не является необходимым для занятия преподавательских должно-

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru